

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ
ПОЗИЦИИ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА**
(на примере статьи «Специалисты по женской части»)

В публицистике Н.С. Лескова раннего периода (60-е гг. XIX в.) используются многочисленные языковые приемы, которые у зрелого автора станут характерной чертой идиостиля, его «визитной карточкой». Одним из них является языковая игра, в основе которой рядом исследователей (Гридина, 1996; Качалова, 2010) «выделяется «ассоциативный потенциал слова» — заранее прогнозируемая область возможных значений слова, используемых в игровом тексте, вследствие чего создается «ассоциативный контекст» и обязательное наличие «лингвокреативного мышления» у участников языковой игры» [5, с. 6]. В создании игровой ситуации доминируют не прямые оценки, а имплицитные, контекстуально зависимые, что способствует возбуждению различных коннотаций преимущественно иронического, сатирического спектра, например:

Во все время, пока в нигилистических журналах проектировались и защищались бесчинства, которые хотели произвести над русской женщиной ее милые защитники, органы умеренных направлений или молчали о

женском вопросе, или чуть-чуть — шепотом шептали что-то такое старое-престарое, вроде того, что женщина должна быть по-другому и матерью [7].

Смысловый центр лесковской фразы — слово или фразеологизированное выражение с деонтической / аксиологической оценочностью — находится, как правило, в окружении лексических единиц, коннотативно и оценочно не отмеченных. Так, глагол *проектироваться* — «страд. к *проектировать* — предполагать, намечать, собираться создать или сделать что-либо» [9, т. 3, с. 484] — включает в структурный состав потенциальную сему 'созидание' положительного регистра, что соотносится в диапазоне оценочности с компонентами 'предохранение' 'от неприятного/нехорошего' глагола *защищаться* — «ограждать себя от посягательств, нападения, неприязненных или враждебных действий; предохранять себя от чего-н.» [9, т. 1, с. 598]. На семантическом уровне данные лексемы не согласуются с субстантивом *бесчинство* — «нарушение порядка, общепринятых норм» [9, т. 1, с. 88]; «нарушение чина, приличия, пристойности, нравственности» [4, т. 1, с. 152], содержащим семы пейоративного характера. Таким образом, ключевое слово, открыто выражающее авторскую позицию, с выпуклой негативной оценкой, представлено в окружении лексем положительного регистра, что создает смысловой диссонанс. Яркие экспрессивные единицы разговорного стиля (*шепотом шептали, старое-престарое* и др.) служат средством создания комического эффекта. Сатира в данном контексте представлена через синтагматику разностилевых лексем.

Тавтологические сочетания почти исчезли из современного русского языка, «поскольку постановка рядом двух слов одного и того же корня расценивалась бы как бедность словаря и почти бессмыслица». Используя прием демонстративного отталкивания от обычных норм литературного языка, автор внешне проявляет стремление к примитивизму, но вместе с тем усиливает эффект разговорности, подчеркивает смысловую и экспрессивную емкость слова в контексте, а также демонстрируют саркастическое отношение к объекту изображения, эксплицированное как названными выше тавтологическими единицами фольклорного регистра, так и выражениями мелиоративного плана (*милые защитники*).

Каждая единица словосочетания *милые защитники* содержит положительную оценку: *милый* — «располагающий к себе, славный, хороший» [9, т. 2, с. 270]; *защитник* — «тот, кто ограждает кого- что-л. от посягательств, нападения, неприятных или враждебных действий и т.п.» [9, т. 1, с. 598]. Лексемы демонстрируют семантическую согласованность, но в процессе взаимодействия с другими единицами (*защищались бесчинства*) формируют зону прагматического отношения, где вектор оценки меняется на противоположный. По наблюдению В.В. Леденевой, в творчестве Н.С. Лескова «...сцепления слов в составе предложений...связаны с тематикой и проблематикой произведения» [6, с. 58], о чем сигнализирует алогичное сочетание оксюморонного характера *проектировались и защищались бесчинства*, созданное в тоне сатиры, охарактеризованной автором в письме к Ивану Акса-

кову так: «...тихая, но язвительная шутка, в которой «хихиканье» не является беспашабытным, а бережет идеал...Вы говорите: «их надо дубьем». А они дубья-то Вашего и не боятся, а от моих шпилек морщатся» [цит. по 1, с. 226]. Такие «шпильки» многочисленны на текстовом пространстве лесковской публицистики, пронизанной броскими эмоционально-оценочными элементами и тем самым сближенной с художественными текстами. Литератор «всегда придавал литературе большое общественное значение и...был верен «святому влечению служить родине словом правды и истины» [2, с. 226]. Он не мог молчать, когда в стране муссировался *отличавшейся своей пустотой и бестолковостью женский вопрос*; культивировался *разврат, предпочитаемый любви*; а *специалисты по женской части издевались над всем, что составляет женственность*; смеялись над *женской скромностью, над ее стыдливостью*; *материнскую заботливость о детях называли узостью взгляда, которому противопоставляли широкий взгляд на сдачу детей попечению общества* ...

Нередко языковая игра интенсифицируется через другие приемы, в частности, повтор. Н.С. Лесков-публицист «прибегает к неоднократному повтору одного и того же слова, важного для передачи смысла» [6, с. 144]. В статье «Специалисты по женской части» автором резко критикуются те литераторы, которые *взялись писать о женской воле — о женской свободе*. При этом решено было, что, *стало быть, женщина может ходить всюду, куда ходит мужчина; говорить все, что говорит мужчина; предлагать сама то, чего у нее до сих пор старались заслуживать, и на эти темы пошли сочиняться статьи, повести и трактаты*. Авторы сочинений подобного рода добивались *допущения женщин в одни и те же училища с мужчинами, указывали на уместность замещения женщинами многих служебных должностей, нынче занятых мужчинами, — а потом уже впали в круглое бешенство, и в этом бешенстве один из женских эмансипаторов предлагал России женское войско, а другой объявил, что очень глупо видеть что-то предосудительное в профессии женщин, торгующих своими прелестями, ибо с настоящей точки зрения проституция, как ремесло, ничуть не хуже многих других ремесел, а некоторых даже и лучше*.

В данном контексте интенция публициста направлена на дублируемые единицы (*мужчина, женщина/женский, ремесло*), амбивалентные по отношению к оценке. Острую напряженность ситуации создает лексема *бешенство*, понятийное ядро которой составляет негативная коннотация — «крайняя степень раздражения, гнева; неистовство, ярость» [9, т. 1, 89]. Непревзойденная авторская сатира реализована в выражении *впасть в круглое бешенство*, которое представляет собой контаминацию фразеологизмов *впасть в детство* — «от старости потерять рассудок, выжить из ума» [9, т. 1, 221] и *круглый дурак*. Одно из значений полисеманта *круглый* — «полный, совершенный» — является фразеологически связанным и определяется синтагматическими отношениями только с одушевленными субстантивами — «в сочетании с сущ. *дурак, глупец, невежда*» [9, т. 2, с. 136]. Субституция одушевленного существительного (*дурак*) и неодушевленного, абстрактного (*бешен-*

ство), приводит к семантической рассогласованности, в результате которой синтезируется окказиональное выражение с колоссальной по степени напряженности эмоционально-экспрессивной окраской лексем, включенных в отношения контекстного партнерства. Полисемант *бешенство* содержит компонент имплицитного характера (вследствие) 'глупости, невежества'. В эвфемизированной форме публицист изящно-саркастично высмеивает называемых *эмансипаторов*, навязывающих русскому обществу нравственное разложение посредством воздействия на женщин. По мнению А.С. Орлова, «Больше чем кто из русских писателей XIX в., Лесков оставил следов стилистической игры со свойствами русского языка» [8, с. 153], что проявляется и при обыгрывании выражения *впасть в круглое бешенство*.

Языковая игра в статье может быть выстроена на переносных значениях полисеманта, например, *специалисты по женской части*, привлекая различные приемы языковой манипуляции, пытались представить обществу *разврат под всеми названиями, какие бы для него ни были изобретены*, в том числе и под словом *свобода*:

в образец свободной жизни приводился образ жизни женщин, которые ищут свободы до свободы...

Словарь В.И. Даля фиксирует: *свобода* — «своя воля, простор...*свобода* понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного...или к полному, необузданному произволу или самовольству» [4, т. 3, с. 257]. Таким образом, энантеосемия многозначного слова *свобода* была использована автором для включения его в процесс виртуозной языковой игры различных ЛСВ. В силу семантического наполнения в тексте единица представляется читателю как отрицательно маркированная (наряду с лексемой *разврат*) вследствие наличия в компонентном составе потенциальной семы 'излишество', обозначенной через повтор однокоренных слов и каламбурное столкновение лексико-семантических вариантов лексемы *свобода*.

Из контекста следует, что многие женщины под воздействием широкой популяризации эмансипации желали освободиться от «зависимости, связи с кем/чем-либо мешающим, стесняющим», сбросить ограничения, в том числе и в семейной жизни, избавиться от гнета зависимости и таким образом понимали под *свободой* «излишнюю непринужденность, развязность» [9, т. 4, с. 52–53], «необузданный произвол или самовольство» [4, т.3, с. 257]. Н.С. Лесков выступает противником такого образа жизни, широко пропагандируемого в русском социуме и соблазнительного для недостаточно стойких в нравственном отношении женщин.

В публицистических работах четко сфокусированная позиция автора обязательно имеет социальную оценку; она не всегда броская, открытая, однако максимально точная, рассчитанная на «своего» читателя.

По наблюдению М.С. Горячкиной, «способы юмористического и сатирического изображения у Лескова многообразны» [3, с. 200], его «лукавый юмор» проникнут презрением к тем, кто расшатывает духовные и нравствен-

ные устои этноса, а сатира, едко приправленная мелкими колкостями, «становится воинствующей»:

Не имеющая пределов куча вздора, напечатанного г. Соловьевым, свидетельствует несомненным свидетельством, что писатель этот не имеет ни вкуса, ни образования, ни тени эрудиции, ни даже самой легкой начитанности, но обладает наглостью и легкомыслием, превосходящими и байроновского переводчика г. Минаева, и нигилиствующего чиновника Жуковского, и всё, удивлявшее до сих пор читающую Россию своим развязным нахальством, всё, что, получив дерзость строчить, вламывается в вопросы, о которых, по своему житейскому и научному невежеству, рассуждать не имеет никакого права.

Контекст насыщен лексическими единицами негативного спектра: *наглость* — «дерзкое бесстыдство» [9, т. 2, с. 336]; *нахальство* — «беззастенчивая назойливость, наглость, бесцеремонность» [9, т. 2, с. 336]; в том числе ругательными эпитетами *развязный* — «бесцеремонный, фамильярный» [9, т. 3, с. 597]; *бесцеремонный* — «пренебрегающий правилами приличий, вежливости, развязный, беззастенчивый» [9, т. 1, с. 88], коннотативная и оценочная составляющая которых многократно усилена за счет дублируемых структурно-семантических компонентов. Прямолинейная авторская позиция дана в сатирических, издевательских тонах, умноженных метафорическим сочетанием *куча вздора*. Вследствие смысловой трансформации данное выражение имеет яркую визуализацию наряду с конструкцией *вламывается в вопросы*. Субстантив *куча* в узусе сочетается с лексемами, обозначающими вещество или конкретные предметы: «большое количество, множество наваленного, насыпанного в одном месте// множество предметов, нагроможденных в беспорядке один на другой» [9, т. 2, с. 156], а абстрактное существительное *взор* — «что-то несерьезное, ерунда» [9, т. 1, с. 156] — не предполагает семантической сочлененности с ним. В данном случае средством обличения литературных опусов своих современников выступает авторская синтагматика, эксплицированная и в подчинительном сочетании *вламывается в вопросы*, где глагол имеет прямое значение «входить куда-то, преодолевая препятствия, врываться силой» [9, т. 1, с. 212], а субстантив *вопрос* — «положение, требующее разрешения» [9, т. 1, с. 211].

Таким образом, окказиональная синтагматика выступает как особый способ построения речи, включающий разнообразие и свежесть языковых красок. Если в художественном произведении «основным средством сатирического самораскрытия», по заключению М.С. Горячкиной, «становится речь героя», то в публицистическом эту функцию выполняет речь автора, приемы и способы построения которой порой парадоксальны, алогичны, но помогают Н.С. Лескову раскрыть истинные намерения «друзей» женщин в статье «Специалисты по женской части».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский, Л.А. Лесковское ожерелье. — 2-е изд., доп. — М., 1986
2. Горелов, А.А. Н.С. Лесков и народная культура. — Л., 1998.
3. Горячкина, М.С. Сатира Лескова. — М., 1963.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка — Тт. 1 — 4. — М., 2006.
5. Качалова, И.Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ. — М., 2010
6. Леденёва, В.В. Особенности идиолекта Н.С.Лескова. — М., 2000.
7. Лесков, Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 томах. — М., 1996.
8. Орлов, А.С. Язык русских писателей. — М.-Л., 1948.
9. Словарь русского языка: в 4-х тт. — М., 1988.